

ТЕЛЬ-АВИВСКИЙ КАНАЛ

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИИ

АЛЕКСАНДР ШАЕВИЧ

Александр Шабевич

Тель-авивский канал.
Четыре истории

«Автор»

2026

Шаевич А.

Тель-авивский канал. Четыре истории / А. Шаевич — «Автор», 2026

Аудитор находит в системе распознавания лиц чужой код и понимает, что камеры научились видеть не то, что было. Журналистка получает заключение, что настоящая запись — подделка. Техник открывает данные своей станции и не находит ночи, когда задышался его сын. Школьный консультант пишет в карточку ученика три слова из заботы, и программа делает из них приговор. Четыре истории из сегодняшнего Израиля — без погонь и выстрелов. Здесь нет злодеев: есть обычные люди, честные правила и цена, которую платят те, о ком эти правила не подумали. И один вопрос на всех: кто получает право решать, что было на самом деле.

© Шаевич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Тель-авивский канал	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Шиевич

Тель- аиивский канал. Четые истории

Глава

2026

Все права защищены

Все герои, организации и события в этой книге вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, компаниями и учреждениями случайно. Технологии, о которых идёт речь, существуют.

16+

Тель-авивский канал

Ночь в Яффо не наступает — она сползает с холма старого города, дом за домом, как будто кто-то идёт по огромному дому и гасит свет, а комнаты всё не кончаются. Ари Бен-Давид сидел у открытого окна. Снизу тянуло морем — солью, водорослями, чуть подгоревшим маслом из ресторанчика на углу. За спиной гудели два ноутбука, на экране бежали строки журналов соединений, которые днём прислала Яэль Рахамим.

Ему было сорок два, и тишине он не верил давно. Тишина в сети — это либо всё в порядке, либо кто-то очень старательно моет за собой пол.

Nimrod Vision через несколько дней подписывала сделку с европейским консорциумом. Их система распознавания лиц должна была встать в аэропортах и на вокзалах доброй половины Европы, и компании требовалась печать независимого аудитора — формальность, бумага к бумаге. Ари таких проверок сделал десятки. Он и брался за них потому, что они были скучными: чужой код, чужие серверы, никаких старых знакомых, никакой армии, никакого государства.

Но Яэль, передавая доступы, подложила в пакет кое-что лишнее. Журналы нескольких соединений, которых сама себе объяснить не могла.

— Я не знаю, что это, — сказала она по телефону. Голос был ровный, и за этой ровностью Ари услышал человека, который не спал несколько ночей. — Может, ничего. Может, я зря вас беспокою. Но наша безопасность говорит, что всё в порядке, а я им не верю.

— Почему?

— Потому что они слишком быстро сказали, что всё в порядке.

Ему это понравилось. Он согласился.

Теперь, в третьем часу ночи, он уже знал, что беспокоилась она не зря.

В одном из плановых обновлений сидел модуль, которого там быть не должно. Снаружи — обычная телеметрия: температура процессоров, задержки сети, технический мусор, на который никто никогда не смотрит. Именно поэтому под него и спрятали настоящую работу. Модуль собирал не телеметрию. Он вытаскивал биометрические шаблоны — цифровые слепки лиц, по которым система узнаёт человека, — и гнал их дальше, через цепочку промежуточных серверов, так что конечная точка терялась в десятке пересадок.

Ари потянулся к клавиатуре — изолировать модуль, отрезать от сети, рассмотреть спокойно.

Модуль начал стирать себя.

Строки гасли одна за другой, будто кто-то втягивал их обратно в темноту. Ари работал быстро, но без суеты — суета в такие минуты только мешает. Он не пытался спасти всё. Он выхватил небольшой фрагмент, самое сердце, и сбросил его на накопитель, который лежал в ящике стола именно для таких случаев — маленький, не подключённый ни к чему.

Через восемь секунд модуля не было. На его месте осталась чистая, ровная телеметрия, будто ничего и не происходило.

Ари откинулся на спинку. Сердце стучало ровно, но во рту пересохло. Он налил воды из бутылки на подоконнике и стал разбирать спасённый фрагмент.

И вот тогда мир, в котором он последние годы старательно наводил порядок, дал трещину.

Он узнал почерк.

Дело было не в подписи — никто в здравом уме не оставляет в шпионском коде имя. Дело было в мелочах, которые не подделаешь, если не работал с человеком годами. Порядок проверки ошибок был перевёрнут: сначала проверялось самое невероятное, самое редкое, и только потом очевидное. Так делал один человек из всех, кого знал Ари. Интервалы между

служебными операциями были заданы простыми числами — три, пять, семь, одиннадцать. Не круглыми, как у всех. Простыми.

А в журнале ошибок, куда система сбрасывала свои жалобы, стояла короткая служебная фраза. Бессмысленная для постороннего. Для Ари — как удар под рёбра.

«Феникс горит с двух концов».

Так когда-то говорил Итай Навон. Это была их личная глупость, родившаяся однажды ночью в фургоне наблюдения, когда оба не спали вторые сутки и Итай пошутил, что свеча, которая горит с двух концов, светит вдвое ярче и гаснет вдвое быстрее. Позывной у него был «Феникс». С тех пор фраза стала их паролем, способом сказать: это точно я, и никто другой.

Итай Навон погиб четыре года назад. За границей, во время операции, о которой Ари до сих пор не имел права говорить вслух. Ари был там. Ари в последнюю секунду подчинился приказу об эвакуации и ушёл. А Итай — нет.

Ари сидел неподвижно, глядя на фразу.

Либо кто-то добыл старый код Итая и очень точно скопировал его манеру. Либо человек, которого он оставил умирать четыре года назад, всё это время был жив.

За дверью щёлкнул замок.

Не звонок, не стук. Именно замок — умный замок, который Ари поставил пару лет назад, поддавшись общей моде на подключённый дом. Замок, которым управляли с телефона. Замок, который сейчас, судя по звуку, заблокировался сам.

Ари медленно повернул голову.

На стене у входа горел маленький экран домашней системы. Камера в подъезде показывала пустую лестничную площадку. Серую, тихую, безлюдную.

Но Ари слышал шаги за дверью. Двое. Тяжёлые, осторожные — люди, привыкшие двигаться тихо.

Камера продолжала показывать пустоту.

И тогда Ари понял простую и холодную вещь: его собственный дом больше ему не подчиняется. Кто-то перехватил домашнюю сеть — ту самую, которой он так гордился, — и теперь она показывала ему картинку, которую хотел видеть чужой.

Он не запаниковал. Паника — это роскошь для тех, у кого есть время. У Ари времени не было.

Он выдернул накопитель и сунул в карман. Оба компьютера оставил как есть — пусть думают, что он ещё за ними. Свет не выключил.

За годы в этом доме он изучил его лучше, чем любую сеть. Умный замок держал только входную дверь. Окно кухни выходило на общий балкон, тянувшийся вдоль всего этажа, — старую пристройку, которую хозяева так и не удосужились разделить. А с балкона можно было перебраться к соседям справа, к пожилой паре, которая из-за жары всегда оставляла балконную дверь приоткрытой.

Всё это были не сверхспособности. Это была осторожность человека, который никогда до конца не верил вещам, подключённым к сети.

Он перелез через низкую ограду, придерживаясь за нагретый за день камень. Внизу, тремя этажами ниже, спала узкая улочка. Он прошёл вдоль балкона, тихо толкнул соседскую дверь — она поддалась — и пересёк тёмную гостиную, где на стене тикали старые часы, к выходу на служебную лестницу.

На лестнице пахло сыростью и кошками. Он спускался быстро, но не бегом. За спиной, где-то на его этаже, глухо ударили в дверь его квартиры.

Ари вышел в переулочек с другой стороны дома и растворился в старом городе.

Он позвонил Яэль с телефона, который купил час назад в круглосуточной лавке, — простого, без имени, без истории.

— Кто ещё знал, что вы отдали мне журналы? — спросил он вместо приветствия.

Пауза.

— Никто. Что случилось?

— За мной пришли. Через полчаса после того, как я нашёл в вашем обновлении то, что вы не смогли себе объяснить.

Он услышал, как она резко втянула воздух.

— Я ничего им не говорила. Клянусь вам, я...

— Пока не клянитесь, — перебил Ари. — Клятвы я проверю позже. Сейчас скажите одно: вы хотите узнать, что там на самом деле, или хотите, чтобы я забыл всё, что видел, и подписал ваш аудит?

Снова пауза. И потом, тихо:

— Я хочу узнать.

— Тогда встретимся. Днём. В людном месте.

Он назвал ей рынок Кармель и повесил трубку.

Рынок Кармель к полудню превращался в реку из людей. Крики торговцев, запах специй, груды помидоров и перца, вёдра со льдом и рыбой, туристы, старики с тележками, солдаты в увольнительной. Ари выбрал это место не ради колорита. Здесь было слишком много лиц. Городские камеры захлёбывались в толпе, и отследить в этом хаосе двух конкретных людей было трудно даже хорошей системе.

Яэль он узнал сразу, хотя видел её вживую впервые. Она была именно такой, какой он представлял её по голосу: собранная, аккуратная, с настороженным взглядом человека, который привык замечать несоответствия. Лет тридцати пяти, тёмные волосы собраны назад. Она пришла в простой одежде, без сумки с логотипом компании, без всего, что кричало бы «руководитель отдела из технологической фирмы».

— Не смотрите на меня прямо, — сказал Ари, поравнявшись с ней у прилавка с оливками. — Смотрите на товар. Идите рядом.

Они двинулись вдоль рядов, как двое случайных прохожих.

— Расскажите про эти соединения. С самого начала. Что вас насторожило?

— Наша система обращается к внешним серверам, — сказала Яэль, разглядывая горку фиников. — Это нормально: обновления, лицензии, синхронизация времени. Но я заметила соединения, которых нет в документации. Немного. Несколько раз в неделю. Всегда ночью, всегда короткие. Я спросила у нашей службы безопасности. Мне сказали: телеметрия, всё в порядке. Я попросила показать, куда именно уходят данные. Мне ответили, что это коммерческая тайна поставщика.

— И вы не поверили.

— Я двенадцать лет занимаюсь соответствием требованиям. Моя работа — читать то, что написано мелким шрифтом. Когда мне говорят «коммерческая тайна» вместо ответа, я слышу «мы не хотим, чтобы ты это видела».

Пока она говорила, Ари смотрел не на неё. Он смотрел поверх её плеча — на выходы с рынка, на отражения в витринах, на лица, которые появлялись слишком часто.

Он заметил дрон. Маленький, гражданский, из тех, что продаются в любом магазине электроники. Он висел высоко, над крышами, и мог бы сойти за игрушку какого-нибудь туриста. Но он висел неподвижно слишком долго и держался ровно над той частью рынка, где были они.

И ещё он заметил человека. Мужчину в светлой рубашке, ничем не примечательного. Ари увидел его сначала у восточного выхода. Потом, десять минут спустя, у северного. Потом снова. Человек не приближался, не спешил — просто оказывался там, где оказывались они. Так двигается не преследователь-одиночка. Так двигается тот, кому подсказывают, куда идти.

— За нами смотрят, — сказал Ари спокойно. — Не оборачивайтесь. Сейчас мы немного погуляем.

Он не устраивал побега. Никаких прыжков через прилавки, никаких погонь. Он повёл Яэль вглубь рынка, в тесные крытые проходы, где камерам было не за что зацепиться, где над головой висели навесы и полотно ткани. В одном из проходов он купил у торговца дешёвую кепку и лёгкий шарф. Кепку надел сам, шарф отдал Яэль.

— Наденьте. Волосы уберите под него.

— Это поможет?

— Против человека — нет. Против системы, которая ищет ваше лицо и вашу причёску, — немного да. Ей нужно за что-то цепляться.

Они прошли рынок насквозь, вышли с той стороны, куда меньше всего вёл естественный маршрут, и нырнули в переулки. Через двадцать минут Ари был почти уверен, что они одни.

Почти. В его работе «почти» — это всё, что бывает.

Ему нужно было проверить Яэль. Не потому что он ей не верил, а потому что верить он не имел права. Кто-то узнал о журналах в тот же день, когда она их ему отдала. Либо от неё, либо через неё.

Поэтому он поставил ей ловушку — старую, простую и надёжную.

— Следующая встреча послезавтра, — сказал он, когда они прощались в тени старой стены. — Я пришлю адрес. Запомните его, нигде не записывайте, никому не говорите.

Он назвал ей адрес — небольшое кафе в северной части города. Адрес был настоящий, но встречаться там он не собирался.

Через сутки он проверил то, что мог проверить со стороны. Камеры вокруг того кафе — уличные, коммерческие, банковские — начали передавать данные в ту самую цепочку серверов. В «Тель-авивский канал», как он уже про себя называл этот маршрут по строке из кода.

Кто-то узнал адрес. Адрес знал только один человек, кроме Ари.

Яэль.

Он сидел в съёмной комнате, которую снял на чужое имя, и смотрел в стену. Всё сходилось на ней. И всё же что-то не давало ему поставить точку. Слишком легко. Если бы она работала на них сознательно, зачем ей вообще было приносить ему журналы? Зачем настаивать на независимом аудите? Разумнее было бы промолчать, дать сделке пройти и никогда не приводить в систему человека вроде него.

Он снова полез в данные. И на этот раз копнул глубже — не в саму Яэль, а в её окружение. В её служебный телефон.

И там он нашёл то, что меняло всё.

Утечка шла не от Яэль. Она шла из её телефона — но без её ведома. На служебном аппарате, который выдала ей компания, стояла программа Nimrod Vision. Та же система, тот же разработчик. Телефон слушал. Всё, что она видела, что набирала, куда шла, уходило в тот же канал. Она была не источником. Она была ещё одной камерой, которую носили в кармане, не подозревая об этом.

Ари выдохнул. Легче не стало. Теперь он знал, что Яэль не предатель. Но знал он и другое: пока её телефон при ней, любое слово, сказанное рядом с ней, слышит противник. Она была союзником и приманкой одновременно, сама того не зная.

Он позвонил ей с очередного нового номера.

— Ваш служебный телефон заражён, — сказал он без предисловий. — Не выключайте его. Не разбивайте. Оставьте дома и купите новый, простой. И слушайте меня внимательно: с этой минуты рядом с этим телефоном не должно звучать ничего важного.

Долгая тишина на линии.

— Значит, они всё это время... — голос у неё дрогнул, но она справилась. — Всё, что я говорила. Все встречи.

— Да.

— Мне очень жаль, — сказала Яэль. — Я привела вас прямо к ним.

— Вы привели меня к правде, — ответил Ари. — Это не одно и то же.

Дальше расследование пошло как всегда — не рывками, а по ниткам. Одна улика тянула за собой другую.

Первой была манера Итая. Его цифровой почерк. Ари теперь искал его целенаправленно — и находил. Перевернутый порядок проверок. Простые числа в интервалах. Здесь, там, в старых, давно установленных версиях системы. «Вавилон» — а Ари уже знал имя проекта из кода — рос не первый год. И всё это время Итай был внутри.

Вторую улику нашла Яэль, когда Ари объяснил ей, где искать.

— Обращения к системе, — сказал он. — Те, что вас насторожили. Их вычистили из официальных журналов. Их там больше нет. Но кто-то за них платил. Найдите деньги.

Она нашла. У облачного провайдера, который сдавал Nimrod Vision вычислительные мощности, в бухгалтерских данных остались следы трафика, которого «не было». Официальные логи чисты, а счета — нет. Компания исправно платила за передачу данных, которую отрицала. Данные можно стереть. Счета стирают неохотно — за ними стоят деньги, налоги, отчётность.

Третья улика оказалась самой тихой и самой жуткой. Ари отследил, кому уходили платежи за «техническое сопровождение» скрытого модуля. Деньги шли внешнему консультанту. У консультанта было имя — один из старых псевдонимов, под которыми когда-то работал Итай Навон. Человек, официально погибший четыре года назад, все эти годы получал зарплату.

Мёртвый работал. Мёртвый брал деньги. Мёртвый писал код.

А потом была четвёртая улика — та, что расставила всё по местам и заодно окончательно сняла подозрения с Яэль.

Ари копался в архиве распознаваний — записях о том, кто и когда прошёл перед камерами в офисе Nimrod Vision. И нашёл запись, от которой у него похолодели пальцы.

По записи выходило, что Яэль Рахамим вошла в главный офис компании в 12:14. Система уверенно опознала её лицо, её имя, её пропуск.

В 12:14 Яэль стояла рядом с ним на рынке Кармель и разглядывала финики.

Ари поднял исходное видео. Оно не было подделкой. В офис действительно вошла женщина — другая, незнакомая. Похожего роста, тёмноволосая. Настоящий человек, настоящая запись. Но система наложила на неё лицо и имя Яэль. Видео осталось подлинным. Ложью стало то, что система про это видео говорила.

Вот что делал «Вавилон». Он не подделывал реальность физически. Он подделывал её цифровую тень — то, как реальность записана, названа, разложена по именам. Камера видела правду. Отчёт лгал. И поверить отчёту заставляли аналитиков, суды, службы безопасности — всех, кто привык доверять машине больше, чем собственным глазам.

Ари показал эту запись Яэль. Она смотрела на экран, где её собственное имя стояло под чужой женщиной, и долго молчала.

— Я могла бы сесть в тюрьму, — сказала она наконец. — За то, чего не делала. И у меня не было бы способа доказать, что это не я.

— Теперь есть, — сказал Ари. — Пока эта запись у нас.

Оставалась пятая нить — время. Ари вычислил, когда система готовит следующий большой шаг. Крупное обновление было назначено на ночь перед международной конференцией по безопасности в Тель-Авиве. После установки «Вавилон» получал доступ к новым системам — к тем самым европейским, ради которых и затевалась сделка.

У них оставались считанные дни.

Чтобы позвать Итая, Ари не стал его искать. Он знал, что искать бесполезно. Вместо этого он сделал то, что мог сделать только один человек на свете — тот, кто знал Итая как себя.

Он оставил ему сообщение внутри самой системы.

В тестовой части, куда Итай наверняка заглядывал, Ари вписал последовательность команд. Со стороны — обычная диагностика. Но порядок ошибок в ней был перевёрнут по-итаевски, интервалы заданы простыми числами, а в комментарии стояла та самая фраза, дополненная так, как мог понять только один человек.

«Феникс горит с двух концов. Один конец всё ещё здесь».

Он отправил это в систему и стал ждать.

Ответ пришёл через день. Не письмом, не звонком. В журнале появилась строка, которую Ари не писал. Простые числа. Перевёрнутый порядок. И адрес — старая часть Яффо, узкий дом у самого края холма, время — после полуночи.

И приписка: «Приходи один. Без неё».

Итай был жив.

* * *

Дом стоял на кривой улочке, слишком узкой даже для машины. Ари поднимался по стёртым каменным ступеням и чувствовал, как ладони сами сжимаются. Дверь была не заперта. Внутри горела одна настольная лампа — и этого света хватало, чтобы увидеть, как мало осталось от человека, которого он помнил.

Итай сидел за столом. Он постарел не на четыре года — на десять. Волосы поседели, лицо осунулось, только прищур остался прежний: чуть насмешливый, будто он знал про мир что-то, чего не знали остальные.

Они долго молчали.

— Ты меня оставил, — сказал наконец Итай. Без злости. Так говорят о погоде.

— Мне приказали уходить. Я подчинился. — Ари сел напротив, не спрашивая. — Я жалею об этом каждый день.

— Не жалею. Я бы тоже ушёл. — Итай усмехнулся одними уголками губ. — Мы оба знаем: ты сделал единственное, что мог. Просто одному из нас не повезло.

— Тебя объявили погибшим.

— Меня вывели. Тихо, без музыки. Новое имя, новое лицо в бумагах. — Итай повёл пальцем по столу, будто раскладывал карты. — А потом предложили работу. Система, которая свяжет разрозненные данные и остановит теракт прежде, чем он случится. Найти опасных людей раньше, чем они успеют. — Он помолчал. — Я согласился. Сам. Меня никто не заставлял. Я думал, что делаю правильное дело.

— Расскажи.

Итай рассказал. Поначалу «Вавилон» работал так, как обещали: находил тех, кого нужно было найти, останавливал то, что нужно было остановить. Итай видел результаты и верил им.

А потом круг целей начал расти. Сначала — люди рядом с опасными людьми. Потом — те, кто мог что-то знать. Потом — журналисты с неудобными вопросами, оппозиционные политики, свидетели по чужим делам, коммерческие конкуренты. Наконец — сами разработчики, за которыми система стала присматривать на всякий случай. Как будто таилась и ждала, когда её заметят.

— Я понял, что «Вавилон» больше не ищет преступников, — сказал Итай. Голос был ровный, но Ари видел, чего ему это стоило. — Он создаёт версию реальности, которую нельзя оспорить. Раньше можно было сказать: вот запись, вот доказательство. Теперь доказательство — это то, что скажет система. Скажет, что ты был там с тем-то, — значит, был. Обратного не докажешь: все инструменты доказательства принадлежат ей.

— И ты хочешь, чтобы я помог тебе её уничтожить, — сказал Ари.

— Нет. — Итай покачал головой. — В том-то и дело. Уничтожить нельзя. Через «Вавилон» до сих пор идут настоящие предупреждения. На той неделе остановили человека с поясом. Месяц назад — груз, который не должен был доехать. Выдерни систему целиком — и погибнут люди. Настоящие. Не цифры.

Он наклонился вперёд, и лампа на мгновение осветила его лицо снизу.

— Я не хочу её убить. Я хочу вырезать из неё одно: возможность подменять личность. Возможность лгать про того, кто был перед камерой. Убрать нож — оставить руку. И для этого нужен ты, потому что архитектуру ранних версий, на которых всё держится, знают двое. Я и ты.

Ари смотрел на друга и не знал, верить ли ему.

* * *

О плане противника Ари узнал не от Итая. Итай говорил только о системе; о том, зачем всё это нужно именно сейчас, Ари собрал сам — из журналов, из времени обновления, из того, кто приезжал в город.

На конференцию в Тель-Авив должен был прибыть европейский прокурор — человек, который вёл расследование о незаконном экспорте технологий слежки. Тот самый экспорт, под который Nimrod Vision готовила сделку.

«Вавилон» должен был вырастить вокруг прокурора ложную цифровую цепочку: тайные встречи с посредником, связанным с торговлей оружием. Записи камер, отчёты систем, временные метки — всё сложилось бы в аккуратную, неопровержимую картину предательства. А в это время настоящий посредник прошёл бы через охраняемую зону под чужой цифровой личностью — как сотрудник делегации.

Репутация прокурора рассыпалась бы в пыль ещё до того, как он поймёт, от чего. Расследование закрыли бы. Доказать существование «Вавилона» стало бы уже невозможно: единственным арбитром правды осталась бы сама система.

И это была бы не просто операция — витрина. Демонстрация перед теми, кто готов платить за такую власть: «Смотрите, что мы умеем. Мы можем сделать виновным любого. Мы можем сделать невиновным любого. Назовите цену».

За всем этим стоял Гидеон Шахар.

* * *

С Гидеоном Ари встретился до кульминации — один раз, коротко, на нейтральной почве. Он хотел увидеть противника вблизи. Гидеон согласился спокойно, как человек, у которого встреча уже стоит в расписании.

Основатель Nimrod Vision оказался не из тех злодеев, каких Ари умел рисовать. Никакого холода, никакой театральности. Спокойный, уверенный человек лет пятидесяти, мягкий голос, внимательные глаза. Он говорил как человек, который давно всё для себя решил и не тратит сил на сомнения.

— Вы хороший специалист, — сказал Гидеон. — Я навёл справки. Один из лучших. Поэтому без игр: вы кое-что нашли. Я знаю, что вы нашли.

— Тогда вы знаете, что я этого не оставлю.

— Я знаю, что вы человек принципов. — Гидеон чуть улыбнулся. — Это редкость. Редкость цену. Но принципы хороши в мире, где можно позволить себе роскошь ничего не делать. Мы живём не в таком мире.

Он не повышал голоса и не грозил. Он объяснял — терпеливо, как объясняют студенту, ещё не доросшему до сложных вещей.

— Всякая система безопасности стоит на секретах и на жертвах. Всегда стояла. Вопрос лишь в том, признаём ли мы это честно. Я признаю. Да, иногда придётся назвать одного человека именем другого. Да, иногда придётся испортить репутацию тому, кто мешает. Это цена — и она ничтожна рядом с тем, что мы получаем: возможностью видеть угрозу раньше, чем она станет кровью на асфальте.

— Прокурор — угроза?

— Прокурор — препятствие. — Гидеон развёл руками. — Он хочет закрыть инструмент, который спасает жизни, ради красивой абстракции о приватности. Я не считаю его злодеем.

Он просто не понимает, чем рискует. Мне не нужно, чтобы он умер. Мне нужно, чтобы ему перестали верить. Это гуманнее, разве нет?

Ари молчал.

— Присоединяйтесь, — вдруг сказал Гидеон, и это прозвучало искренне. — Не из страха. Из смысла. Контролируйте систему изнутри. Вы видите риски лучше меня — вот и стоять на страже вам. Лучше вы внутри, чем какой-нибудь фанатик снаружи.

Ари поднялся.

— Проблема не в том, кто на страже, — сказал он. — Проблема в том, что у системы вообще есть возможность переписать правду. Пока она есть, неважно, чьи руки на рычаге. Хорошие руки однажды сменятся. Рычаг останется.

Гидеон посмотрел на него почти с сожалением.

— Жаль, — сказал он. — Вы быгодились.

* * *

Поворот Ари понял не сразу. Он пришёл к нему ночью, когда он в сотый раз разбирал спасённый фрагмент кода.

Цифровой почерк Итая был там слишком заметен.

Итай был лучшим. Итай умел прятать. Захоти он стереть свою манеру — не нашёл бы её никто, даже Ари. Но он не стёр. Он оставил перевёрнутые проверки, простые числа, служебную фразу — оставил на самом видном месте, там, куда обязательно наткнётся независимый аудитор. А независимым аудитором пригласили именно Ари.

Итай не попал в код случайно. Итай сделал так, чтобы Ари его нашёл.

Он позвал его. Через код, через почерк, через фразу из фургона наблюдения. Он знал: рано или поздно Ари придёт проверять систему Nimrod Vision, — и оставил маяк, который поймёт только Ари.

И вот тут открылась вторая, горькая сторона.

Итай звал его не только чтобы разоблачить «Вавилон». Ему нужен был второй человек, знающий архитектуру ранних версий, — чтобы изменить систему безопасно: вырезать нож, не убив руку. И такой человек на свете был один.

Итай знал, что за тем, кто найдёт скрытый модуль, придут. Знал, что за Ари придут в ту же ночь. Знал, что подставляет друга под удар.

И всё равно позвал. Не спросив.

Когда они снова встретились, Ари сказал ему об этом прямо.

— Ты меня использовал. Ты знал, что за мной придут. Знал, во что меня втягиваешь. И решил за меня, что я готов платить эту цену.

Итай не стал отпираться.

— Да. Мне нужен был ты. Другого не было.

— Ты понимаешь, что только что сделал ровно то, против чего борешься? — Ари говорил тихо, но каждое слово падало, как камень. — Гидеон решает за прокурора, что тому можно испортить жизнь ради общей безопасности. А ты решил за меня, что мной можно рискнуть ради того же самого. Ты стал системой, Итай. Ты решаешь за других, какую цену им платить.

Итай долго молчал. Потом провёл ладонью по лицу, и Ари увидел, что рука у него дрожит.

— Я знаю, — сказал он. — Я всё это время говорил себе: цель важнее. Если получится — простишь. Спасённые жизни всё оправдают. — Он поднял глаза. — Но ведь именно так это и начинается, да? Один раз решил за другого «ради общего блага» — и всё. Ты уже по ту сторону.

— Да, — сказал Ари. — Именно так.

* * *

Остановить обновление удалённо было нельзя — Ари проверил это первым делом. Чтобы обновление разошлось по системе, его должна была заверить подпись, которую создавал физи-

ческий защищённый модуль. Железный ящик в серверной Nimrod Vision. Без него любой код не считался настоящим, а с расстояния до этого ящика было не дотянуться.

Значит, идти надо было внутрь.

На словах план был прост. Яэль проводит их по своим служебным полномочиям — она всё ещё руководитель отдела, у неё есть право входа. Ари приносит исправленное обновление, которое он готовил несколько дней и ночей: блокирующее подмену личности и не трогающее больше ничего. Итай — единственный, кто может подтвердить обновление на самом глубоком уровне: ключи и архитектура, которых нет больше ни у кого.

И здесь стоял главный вопрос — к Итаю.

Чтобы всё сработало, ему придётся использовать настоящую биометрию и настоящие служебные ключи. То есть официально расписаться: человек, объявленный погибшим четыре года назад, жив — и всё это время сидел внутри проекта. Обратно в тень после этого не уйдёшь. Тайной жизни конец.

— Ты понимаешь, что теряешь? — спросил Ари.

— Я понимаю, что уже потерял, — ответил Итай. — Четыре года назад. Просто тогда я этого ещё не заметил.

* * *

Центр управления Nimrod Vision оказался обычным. Никакой башни до небес, никакого стеклянного собора. Современный офис, приглушённый свет, ряды мониторов, тихий гул кондиционеров, небольшая серверная за стеклянной перегородкой. Всё буднично — и именно эта будничность была страшнее любого театра: власть переписывать правду целиком помещалась в комнате размером с кабинет.

Яэль провела их через два поста. На первом её карта сработала как всегда. У второго дежурный поднял глаза, и на секунду Ари показалось, что всё кончено, — но Яэль улыбнулась, назвала его по имени, сказала что-то про внеплановую проверку перед конференцией, и он махнул рукой.

Они вошли в центр управления.

И там их ждал Гидеон Шахар.

Он стоял у окна, спиной к городу, и смотрел на них без удивления. Он ждал.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он. — Даже знал, когда. Знаете, в чём ирония? Система, которую вы пришли исправить, сама предсказала ваш приход. Она отлично угадывает людей, которые не сдаются.

— Тогда вы знаете, зачем мы здесь, — сказал Ари.

— Знаю. — Гидеон отошёл от окна. — И прежде чем вы что-то сделаете, хочу показать одну вещь. Не ради спора. Просто посмотрите.

Он кивнул, и на большом экране появились данные. Списки. Даты. События.

— Это то, что «Вавилон» остановил, — сказал Гидеон негромко. — Настоящее. Не выдуманное. Взрыв на автовокзале, который не случился. Груз, который не доехал. Человек, которого сняли с рейса за два часа до вылета. — Он помолчал. — Вот эта дата. Три года назад. Торговый центр на севере. В тот день там была сестра госпожи Рахамим с детьми. Мы это знаем, потому что система знает всё. Нападение сорвалось. Дети живы. Проверьте — я не лгу.

Ари увидел, как Яэль побледнела. Она смотрела на дату и не могла отвести взгляд.

— А вот здесь, — продолжал Гидеон тем же мягким голосом, обращаясь уже к Ари, — операция четырёхлетней давности. Заграничная. Та самая, где вы потеряли напарника. Вы никогда не считали, сколько людей осталось живо благодаря тому, что вы тогда сделали? Система посчитала. Я могу показать.

Это был точный удар. Внутри у Ари качнулось. Гидеон не врал — в этом и была ловушка. Он показывал настоящую цену, настоящие жизни. И среди спасённых могли быть близкие. Могли быть люди, чьи имена что-то значили.

На секунду Ари замер.

А потом понял, что именно это Гидеон и делает каждый день: показывает настоящее добро, чтобы под его прикрытием провести настоящее зло. Спасённые дети были правдой. Но правдой была и подмена личности прокурора. Одна и та же система делала и то и другое — и пока она умела второе, никакие спасённые дети этого не оправдывали. Завтра спасённым ребёнком прикроют убитую репутацию. Послезавтра — что похуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.